

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.Н. Жукович

**Религиозно-церковный элемент
в казацком восстании 1630 года
(Под предводительством Тараса)**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1911. № 7-8. С. 777-802.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Религіозно-церковный элементъ въ казацкомъ воз- станіи 1630 года (подъ предводительствомъ Тараса).

Съ лѣта 1628 года польское правительство, задумавшее воспользоваться для своихъ политическихъ цѣлей внутреннимъ крымско-татарскимъ междуусобіемъ, вступило въ своего рода тайный заговоръ съ запорожскимъ казачествомъ, предназначивши ему роль исполнителя своихъ сокровенныхъ плановъ. Поставленный польскимъ правительствомъ послѣ Куруковскаго разгрома въ запорожскіе гетманы Михайль Дорошенко явился, какъ и слѣдовало ожидать, догадливымъ, хотя и не особенно счастливымъ, исполнителемъ этихъ плановъ. Его преемникъ Григорій Савичъ, или Грицько Черный, продолжалъ въ отношеніи къ Мегеметь и Шагинъ-гиреямъ политику своего предшественника: два раза (осенью 1628 года и весной 1629 года) запорожскіе казаки ходили въ Крымъ съ цѣлью возвратити претендентамъ ханскій престолъ, хотя оба раза неудачно. Казацкое вмѣшательство въ крымско-татарскую междуусобицу, тайно одобренное и поддержанное польскимъ правительствомъ, потерпѣло крушеніе. Для осуществленія широкихъ польскихъ политическихъ замысловъ на югѣ ничего изъ него не получилось. Но для самой внутренней соціально-политической жизни Украйны временный своеобразный союзъ польскаго правительства съ запорожскимъ казачествомъ оказался далеко не безрезультатнымъ.

О соблюденіи основнаго требованія противоказацкой Куруковской комиссіи относительно строго-опредѣленнаго количества казаковъ (6,000) не могло быть и рѣчи во все то время, пока стоялъ на польскомъ политическомъ горизонтѣ вопросъ о завоеваніи запорожскимъ войскомъ Крыма для Мегеметь и

Шагинъ-гиреевъ и о подчиненіи его чрезъ нихъ Польшѣ. Начальство реэстровыхъ казаковъ, принимавшее, въ угоду польскому правительству, по заключеніи Куруковскаго договора кое-какія мѣры противъ выписчиковъ изъ реэстра, въ это время совсѣмъ объ этихъ мѣрахъ забыло, потому что и польскому правительству совсѣмъ невыгодно было о нихъ напоминать. Въ самомъ Запорожьѣ, вмѣсто тысячи казаковъ, указанной Куруковскимъ договоромъ, всегда находилось ихъ въ нѣсколько разъ больше. При такомъ скопленіи казаковъ за порогами, и притомъ по большей части изъ числа выписчиковъ, самая зависимость ихъ отъ правительственнаго гетмана всѣхъ казаковъ нѣсколько ослабѣла. У многочисленныхъ запорожскихъ казаковъ, прѣбывавшихъ въ самомъ Запорожьѣ, оказывается въ это время свой особый гетманъ Тарасъ Феодоровичъ: въ весеннемъ походѣ въ Крымъ казаки идутъ подъ командой двухъ гетмановъ. Пока «негодный» Тарасъ, избранный казаками—выписчиками попреимуществу, могъ быть полезенъ, польское правительство охотно и съ нимъ мирилось. Этотъ Тарасъ появился въ Запорожьѣ очень рано, одновременно съ Грицькомъ Чернымъ, какъ это видно изъ реляціи самого короннаго гетмана Конецпольскаго, обозвавшего его «негоднымъ холопомъ» ¹⁾.

Постигшая весной 1629 года запорожскихъ казаковъ неудача положила естественный конецъ тайному политическому уговору съ ними центральнаго польскаго правительства относительно крымско-татарскихъ дѣлъ и отношеній. Этому послѣднему приходилось теперь расплачиваться за свое политическое увлеченіе. Осенью 1629 года западная половина южно-русскихъ областей подверглась сильному нападению и разоренію со стороны крымскихъ и другихъ татаръ. Сама Турція, въ виду нарушенія польскимъ правительствомъ ея правъ и интересовъ въ Крыму и въ виду усилившагося «казацкаго своеволія» на Черномъ морѣ, готова была занять грозно-враждебное положеніе по отношенію къ Польшѣ: она увеличила свои военныя силы въ пограничныхъ съ Польшею мѣстахъ. Наконецъ, во внутренней жизни Украины, въ жизни самого Запорожскаго казачества, къ концу пятилѣтія, прошедшаго со времени Куруковской ординаціи, успѣли сказаться послѣд-

¹⁾ Рук. Имп. Публ. Библ., Пол. Ф. IV. № 241, л. 684, реляція Конецпольскаго о войнѣ его съ казаками въ 1630 году, представленная имъ Варшавскому сейму 1631 года.

ствія невыполненія казаками ея условій, молчаливо допущеннаго самимъ польскимъ правительствомъ. Очень невыгоднымъ для него было уже создавшееся по смерти Дорошенки двоевластіе въ высшемъ управленіи запорожскимъ казачествомъ, приобрѣтенная пребывавшимъ за порогами Тарасомъ своего рода военно-административная автономія. Между легальнымъ гетманомъ Григоріемъ Савичемъ Чернымъ и не совсѣмъ нелегальнымъ гетманомъ Тарасомъ Ѳедоровичемъ, при совершенной неразграниченности сферы ихъ дѣятельности, столкновение было неизбѣжнымъ, со всѣми своими неблагоприятными, и для польскаго правительства, и для украинскаго населенія, послѣдствіями. Столкновение между ними тѣмъ болѣе было неизбѣжнымъ, что Тарасъ, по всѣмъ имѣющимся даннымъ, превосходилъ своего соперника личною энергіею. При томъ же, если польское правительство въ этомъ столкновеніи всецѣло было на сторонѣ легальнаго (утвержденнаго королевскою жалованною грамотою) гетмана Григорія Савича, старавшагося быть ему угоднымъ, наказывавшаго ходившихъ въ море казаковъ, оказавшаго существенную помощь коронному войску при отраженіи имъ осенняго татарскаго набѣга 1629 года,— то въ средѣ запорожскаго казачества самая легальность его гетманства нѣсколько оспаривалась. Ему ставилось въ вину, что онъ занялъ должность гетмана по простому назначенію короля, а не по избранію запорожскаго войска: гетманъ (говорили казаки) долженъ быть избираемъ войскомъ при орудіяхъ и инсигніяхъ войсковыхъ (вышеупомянутая реляція Конецпольскаго). Повидимому, избраніе Григорія Савича въ гетманы, хотя запорожское войско и присягнуло ему, совершилось въ свое время безъ соблюденія обычныхъ въ этомъ случаѣ формальностей, и это обстоятельство давало его противникамъ возможность возражать противъ законности этого избранія. — Повидимому, Григорій Савичъ фактически и не вступалъ во владѣніе войсковыми инсигніями и въ командованіе запорожской артиллеріей.

Поводомъ къ столкновенію между двумя образовавшимися въ казачествѣ партіями послужило распредѣленіе казеннаго жалованья, слѣдовавшаго реэстровымъ казакамъ. Когда это жалованье въ 1629 году прислано было правительствомъ въ распоряженіе гетмана Григорія Савича (оно присылалось обыкновенно, по договорамъ, въ Кіевъ къ 20 іюля), онъ не сразу приступилъ къ выдачѣ его по назначенію. Среди находив-

пихся съ Тарасомъ въ Запорожьѣ казаковъ, очевидно, не мало было реэстровыхъ казаковъ, и даже, вѣроятно, вліятельныхъ въ войскѣ людей, которыхъ гетману хотѣлось, или нужно было, привлечь на свою сторону казеннымъ жалованьемъ, или съ которыми ему во всякомъ случаѣ нежелательно было сразу же порвать всѣ связи, лишивши ихъ жалованья и черезъ это объявивши ихъ выписанными изъ реэстра. По разсказу реляціи Конецпольскаго, въ теченіе полугода присланное правительствомъ жалованье оставалось не розданнымъ по назначенію: все ожидали, что находившіеся за порогами казаки опомнятся. Григорій Савичъ много разъ посылалъ къ нимъ, чтобы они вышли оттуда, заявляя, что онъ не заинтересованъ своимъ гетманствомъ. «Упрямство и злоба оставались глухи къ этому»... Въ дѣло пришлось вмѣшаться кievскому воеводѣ. Съ давнихъ поръ близко стоявшій къ казацкимъ дѣламъ, новоназначенный кievскій воевода Хмелецкій командировалъ отъ себя, для улаженія дѣла, ротмистра Раноховскаго и шляхтича Киселя. Имъ поручено было, вмѣстѣ съ гетманомъ и полковниками запорожскаго войска, выключить изъ реэстра лишнихъ людей, а на мѣсто умершихъ вписать въ него годныхъ къ бою людей²⁾. Не смотря на противодѣйствіе «злыхъ своевольныхъ» казаковъ, исправленіе реэстра было произведено. Само собой разумѣется, что при этомъ исправленіи реэстра не были пощажены интересы своевольныхъ казаковъ: изъ реэстра было выписано около трехсотъ давнихъ казаковъ, находившихся въ моментъ его производства въ Запорожьѣ, а изъ остальныхъ казаковъ, находившихся тамъ, никто въ реэстръ не попалъ... Такимъ образомъ вышло, что наиболѣе боевые элементы казачества, вынесшіе на своихъ плечахъ тяжелые крымскіе походы послѣднихъ лѣтъ, оффициально вычеркнуты были изъ состава запорожскаго войска и лишены установленнаго вознагражденія. Правда, выключеннымъ изъ реэстра запорожцамъ обѣщано было возстановленіе ихъ въ достоинствѣ реэстровыхъ

²⁾ Это происходило зимой 1629 — 1630 года. Универсалъ запорожскаго гетмана Григорія Савича Чернаго, изданный 28 февраля 1630 г. въ Кіевѣ, даетъ видѣть, что къ этому времени исправленіе реэстра уже окончилось, или оканчивалось: „подъ часъ конклюдіи комиссіи зѣхавшиися до Кіева“... Самый универсалъ былъ адресованъ „товарищомъ войска Его Королевское Милости Запорожскаго, которые суть въ приповѣди до службы Его Королевское милости и Речи-Посполитое захованы. (Чтенія въ Обществѣ Нестора-Львописца, VIII, 9—10).

казаковъ, если они раскаются: гетманъ Гриць Черный послалъ имъ приказъ явиться къ нему изъ Запорожья, и притомъ съ орудіями, обѣщая все имъ простить, если они исполнятъ этотъ приказъ. Но Тарасъ и его приверженцы покориться рѣшенію большинства реэстровыхъ казаковъ не пожелали.

По разсказу Конецпольскаго (въ его реляціи), Тарасъ и солидарные съ нимъ запорожцы прибѣгли къ хитрости. Они изъявили желаніе покориться, обѣщали явиться съ орудіями и всѣми инсигніями, и тотчасъ двинулись въ путь. Гетманъ Гриць, человекъ простой, радѣвался, что раздоръ прекратится: онъ уже торжествовалъ побѣду, не вѣдая, что на его гибель шли орудія... Передовой запорожскій отрядъ со всѣмъ неожиданно напалъ на безпечнаго гетмана, мирно уснуваго первымъ сномъ. Грица схватили и отвели къ Тарасу, находившемуся въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда. Тутъ его предали позорной смерти: отрубили ему руки, а затѣмъ велѣли татарину отсѣчь голову.

Такимъ образомъ столкновение легальнаго гетмана съ нелегальнымъ окончилось гибелью перваго. Вмѣстѣ съ этимъ, надъ болѣе спокойнымъ и вѣрнымъ польскому правительству реэстровымъ казачествомъ взяла верхъ толпа подлинныхъ запорожцевъ, наиболѣе безпокойная и въ преобладающей своей массѣ состоявшая изъ выписчиковъ, не признаваемыхъ польскимъ правительствомъ въ казацкомъ званіи. Убіиство гетмана, происшедшее въ половинѣ марта 1630 года ³⁾, произвело большое замѣшательство среди реэстровыхъ казаковъ. Одна часть ихъ укрылась въ лѣсахъ, другая бѣжала въ степь («въ дикія поля»), третья искала защиты у королевскаго войска, расквартированнаго, какъ увидимъ ниже, въ это время въ разныхъ мѣстахъ на Украинѣ (реляція Конецпольскаго).

Но невыгодное съ казацкой точки зрѣнія исправленіе реэстра запорожскаго войска (съ восстановленіемъ шеститысячной его нормы) и стремленіе недовольныхъ казаковъ раздѣлаться съ угоднымъ польскому правительству гетманомъ не были единственною причиною общаго движенія ихъ изъ За-

³⁾ Конецпольскій въ своей реляціи (л. 684) говоритъ, что первое извѣстіе объ убійствѣ гетмана Грица Чернаго получено было имъ въ Барѣ передъ самой пасхой. Пасха же въ 1630 году была 31 марта по новому стилю (28 марта по старому). Слѣд. извѣстіе получено Конецпольскимъ около 20 марта по старому стилю.

порожья на Украину. Не только московскіе воеводы въ Путивль, но и прибывшіе въ Путивль посланцы митр. Іова Борецкаго, братъ его Андрей Борецкій и іеромонахъ Іосифъ, 27 марта 1630 года еще не знали объ убійствѣ гетмана Григорія Савича, а между тѣмъ о массовомъ движеніи запорожскихъ казаковъ они хорошо уже знали и причину этого движенія ясно себѣ представляли: «запорожскіе казаки (писали 27 марта въ Москву путивльскіе воеводы со словъ вышеупомянутыхъ посланцевъ митрополита) изъ Запорогъ выгреблись въ Переяславль съ пушками, и нынѣ де збираютца изо всѣхъ городовъ казаки, которые гроши имали, и выписные казаки, что были выписаны, а собрався де выгонять имъ изъ Кіева и изо всѣхъ городовъ послѣ Великодня (т. е. послѣ пасхи) поляковъ»... ⁴⁾ Изъ выписанныхъ словъ ясно, что движеніе запорожскихъ казаковъ уже въ мартѣ 1630 года направлено было не противъ гетмана Григорія Савича только, но и противъ польскаго правительства ⁵⁾.

По заключеніи осенію 1629 года перемирія со шведами, часть находившагося въ Пруссіи короннаго войска двинута была на югъ, и той же осенью припяла уже участіе въ отраженія татарскаго вторженія въ Галичину. Центральное польское правительство, не заплатившее (и не имѣвшее, чѣмъ заплатить) заслуженнаго войскомъ жалованья, не дожидаясь сейма, старалось расквартировать жолнерскіе отряды по различнымъ областямъ, чтобы предупредить этимъ возможность образванія ими враждебной правительству конфедераціи. Варшавскій ноябрскій сеймъ 1629 года не нашелъ надлежащихъ средствъ къ немедленной ликвидаціи тяжелыхъ финансовыхъ послѣдствій долгой шведской войны. О немедленномъ роспускѣ ставшихъ уже ненужными жолнерскихъ отрядовъ не могло быть и рѣчи. Правительству приходилось по необходимости мириться съ ними, изыскивая средства и способы къ возможному обезвреженію ихъ. Значительная часть жолнерскихъ отрядовъ направлена была изъ Пруссіи на Украину потому, съ одной стороны, что

⁴⁾ Кулишъ. Матеріалы для исторіи воссоединенія Руси, I, 295.

⁵⁾ Въ реляціи Конецпольскаго едва ли вѣрно замѣчено, что запорожскіе казаки первоначально намѣревались, покончивши съ Григоріемъ Савичемъ, возвратиться обратно въ Запорожье (л. 686). Впослѣдствіи возставшіе казаки возбудителями возстанія признавали не одного Тараса, но и реэстровиковъ Бордаяка, Волка и Бородку, перебѣжавшихъ потомъ къ Конецпольскому (Жерела, VІІІ, 347).

они здѣсь (какъ объясняетъ Конецпольскій въ своей реляціи, л. 682) могли болѣе пригодиться для государственныхъ потребностей, а съ другой стороны, что въ этомъ болѣе обильномъ краѣ они могли легче прокормиться въ кредитъ, безъ отягощенія его обывателей. Нѣсколько жолнерскихъ отрядовъ направлено было и въ кievское воеводство. Въ виду того, что тутъ имѣли свое мѣстопребываніе и запорожскіе казаки, Конецпольскій, по словамъ его реляціи, особыми строгими универсалами предупредилъ жолнеровъ, чтобы они не дозволяли себѣ ничего незаконнаго по отношенію къ казацкимъ домамъ. Ни въ одномъ казацкомъ домѣ, внесенномъ въ реэстръ (продолжаетъ онъ) не были поставлены на постои жолнеры. Конецпольскій не указываетъ количества размѣщенныхъ имъ въ Кіевской Украинѣ жолнеровъ. По сообщенію вышеупомянутыхъ посланцевъ митр. Іова Борецкаго, въ Кіевѣ и около Кіева ихъ было около восьми тысячъ ⁶⁾. Стараясь избѣгнуть скопленія въ одномъ мѣстѣ значительныхъ жолнерскихъ силъ, Конецпольскій размѣстилъ жолнерскіе отряды въ болѣе или менѣе значительномъ разстояніи одинъ отъ другого ⁷⁾. Скопленіе въ одномъ мѣстѣ значительнаго числа жолнеровъ, далеко не спокойно настроенныхъ влѣдствіе неуплаты имъ жалованья, тѣмъ болѣе должно было представляться опаснымъ, что расквартированіе ихъ по разнымъ воеводствамъ, и до осенняго сейма 1629 года, и послѣ этого сейма, не могло никому изъ польскихъ политическихъ дѣятелей казаться мѣрой краткосрочной. Съѣхавшіеся къ назначенному сеймомъ сроку (15 дек. 1629 г.) въ Иновлоцлавъ комиссары не нашли здѣсь даже и тѣхъ денежныхъ ресурсовъ для расплаты съ войскомъ, которые были опредѣлены сеймомъ. «Не имѣя другого средства сдержать бунтующееся войско, они назначили для него стоянки въ разныхъ воеводствахъ» ⁸⁾. «Много работы, затрудненій и хлопотъ имѣли» сеймовые комиссары и два съ половиной мѣсяца спустя, когда, согласно сеймовому опредѣленію, они прибыли (къ 1 марта 1630 г.) съ пустыми руками во Львовъ для расплаты съ тѣмъ войскомъ, которое «обращено было на Украину» ⁹⁾.

Гетманъ Конецпольскій (въ своей реляціи) говоритъ, что рас-

⁶⁾ Кулишъ, Матеріалы I, 295.

⁷⁾ Piasecius 419 (Woysicki, 154).

⁸⁾ Рук. Имп. Публ. Библ., Разпояз., F. IV. № 104, л. 188 об., инструкція на предсеймовые сеймики 1630 года.

⁹⁾ Тамъ же, л. 173, королевская пропозиція сейму 1631 года.

квартированные на Украинѣ жолнеры повиновались его универсаламъ: не чинили никакихъ притѣсненій казацкимъ домамъ. Но изъ его же словъ видно, что сказанное имъ относилось только къ внесеннымъ въ реэстръ казацкимъ домамъ. Что же касается тѣхъ домовъ, хозяева которыхъ сами считали себя казаками, но которыхъ польское правительство и шляхтичи-землевладѣльцы таковыми не признавали, то они, само собой разумѣется, отъ жолнерскаго поста освожжены не были. Тутъ для всякаго рода непріязненныхъ столкновеній жолнеровъ и казаковъ было широкое поле. Уже самое помѣщеніе жолнера въ извѣстномъ домѣ набрасывало тѣнь на казацкій его характеръ. Едва-ли нужно и прибавлять, что для фактическаго возвращенія въ первобытное состояніе тѣхъ изъ шляхетскихъ подданныхъ, которые самовольно (какъ это обыкновенно бывало тогда на Украинѣ) причислили себя къ составу запорожскаго казачества, при наличности на мѣстѣ реальной польской военной силы значительныхъ размѣровъ, стало гораздо болѣе возможности и средствъ. Самое возстановленіе нормальнаго количественнаго состава запорожскаго войска, фактически осуществившееся въ той или иной мѣрѣ въ первые мѣсяцы 1630 года, удалось, конечно, только потому, что опиралось на жолнерскіе отряды, расквартированные на Украинѣ. А это, безъ сомнѣнія, было самое больное мѣсто казачества. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ сознательно центральное польское правительство преслѣдовало въ данномъ случаѣ цѣль укрощенія и усмиренія казацкаго духа на Украинѣ. Слишкомъ уже это просто и естественно было, чтобы гетманъ Конецпольскій, этотъ столь яркій выразитель польско-шляхетскихъ взглядовъ на казацкій вопросъ, не попытался болѣе или менѣе серьезно использовать въ польско-шляхетскихъ интересахъ очутившіеся безъ дѣла на Украинѣ коронные жолнерскіе отряды. Притомъ же не могъ онъ не видѣть значительнаго новаго подъема казацкаго духа на Украинѣ въ послѣдніе два года (въ связи съ дѣломъ Шарагинъ-гирея). Во всякомъ же случаѣ запорожское казачество не могло не истолковать въ самомъ опасномъ для себя смыслѣ расквартированіе на Украинѣ отрядовъ польскаго короннаго войска,—расквартированіе, которому не видѣлось скорого конца. Не для отраженія же татарскихъ набѣговъ пришли эти отряды въ казацкую страну... Вообще причины движенія казаковъ, съ Тарасомъ во главѣ, изъ Запорожья на Украину въ мартѣ 1630 года коренятся не въ одной междуособицѣ двухъ

казацкихъ гетмановъ. Въ этомъ движеніи, очевидно, были болѣе глубокія причины,—причины социальна-политическія, и даже національно-политическія. Само центральное польское правительство въ оффиціальныхъ документахъ склонно было въ казацкомъ движеніи 1630 года видѣть опасное общее социальное политическое движеніе. Въ январской (1631 года) королевской пропозиціи говорилось, что своевольные казаки не только напали на расположенные на Украинѣ отряды короннаго войска и убили вѣрнаго правительству своего старшаго, но и «всю почти Украину подстрекнули къ измѣнѣ»: если бы коронный гетманъ не принялъ немедленно рѣшительныхъ мѣръ, «можно было бы ожидать во владѣніяхъ речи-посполитой чего-то страшнаго, потому что эти люди замышляли нѣчто большее, чѣмъ показывали видѣ»¹⁰⁾.

Со словъ іеромонаха Іосифа и Андрея Борецкаго, брата митрополита Іова, въ концѣ марта 1630 года путивльскіе воеводы писали въ Москву: «а говорятъ де поляки (польскіе жолнеры, расквартированные въ Кіевѣ и возлѣ Кіева), чтобы въ Кіевѣ вѣру христіанскую нарушить, а учинить унею-римскую вѣру, и на казаковъ итить...»¹¹⁾. Опредѣленіе цѣли прихода польскихъ жолнеровъ на Украину не отличается въ приведенныхъ словахъ путивльскихъ воеводъ отчетливостью. Не совсѣмъ ясно изъ нихъ, сами ли польскіе жолнеры, или только православные жители Украины указывали на эту цѣль. Но во всякомъ случаѣ изъ нихъ достаточно ясно, что въ сознаніи посланцевъ кіевскаго православнаго митрополита расквартированіе польскихъ отрядовъ на Украинѣ и вызванное имъ движеніе казаковъ изъ Запорожья представлялись явленіями, стоявшими въ связи съ борьбой православія съ уніей въ юго-западной Руси.

Религиозно-національный характеръ казацкаго движенія 1630 года признавалъ и самъ укротитель этого движенія, коронный гетманъ Копецпольскій. Подробно изложивши въ своей реляціи обстоятельства убійства запорожскаго гетмана Григорія Савича Чернаго, онъ продолжаетъ: «Было у этого своеволя (т. е. своевольныхъ запорожскихъ казаковъ) намѣреніе тотчасъ же возвратиться, совершивши это дѣло, въ Запорожье, но, какъ мнѣ они сами объяснили, о чемъ я Вашей Коро-

¹⁰⁾ Жерела, VIII, 356.

¹¹⁾ Кулишъ, I, 295.

левско́й милости послалъ и письменное сообщеніе, пришли къ нимъ отъ нѣкоторыхъ лицъ греческой религіи, какъ духовныхъ¹²⁾, такъ и свѣтскихъ, грамоты, въ которыхъ извѣщалось, что ихъ вѣру разрушаютъ, церкви отнимаютъ, съ просьбой, чтобы они встали на защиту своей вѣры. Эти увѣренія возбудили народъ и подняли всю Украину, такъ что никто изъ тамошнихъ обывателей не былъ безопасенъ въ своемъ домѣ. Тотчасъ издало своеволие универсалы, что дѣло идетъ о вѣрѣ, что всякій, кто былъ когда-либо казакомъ и хочетъ имъ остаться, долженъ приставать къ войску. Обѣщались всѣ старыя вольности, или—лучше—своеволие. Вслѣдствіе этого въ столь короткое время собралось нѣсколько десятковъ тысячъ войска» (реляція, л. 687)... Во время іюньскихъ переговоровъ своихъ (1630 года) съ возставшими казаками Конецпольскій, какъ увидимъ ниже, прямо поставилъ имъ въ вину то обстоя-

¹²⁾ Пясецкій въ своей Хроникѣ сообщаетъ, что „казаковъ взбунтовалъ кіевскій архимандритъ-схизматикъ, утверждавшій, что все войско прусское двигалось на Украину для искорененія казаковъ и вѣры благочестивой“ (Piasecius, 419; ср. Woycicki, 154). Кіевскому архимандриту приписывается возбужденіе казацкаго движенія 1630 года и въ Лѣтописи львовскаго каноника Яна Юзефовича (Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси, Кіевъ, 1888, стр. 116). Все, что намъ извѣстно объ отношеніи тогдашняго кіево-печерскаго архимандрита Петра Могилы къ казакамъ въ интересующій насъ историческій моментъ, говоритъ противъ приписываемой ему Пясецкимъ и Юзефовичемъ роли. На кіевскомъ соборѣ 1629 года архим. Петръ Могила держалъ себя въ высшей степени корректно по отношенію къ польскому правительству, вызвалъ даже этимъ неудовольствіе противъ себя запорожскихъ казаковъ. 28 февр. 1630 г. архим. Петръ Могила жаловался запорожскому гетману Григорію Савичу на казаковъ въ Черкасскомъ староствѣ, по тому поводу, что они пустошили лѣсъ, принадлежавшій кіево-печерскому монастырю, и обезчестили завѣдывавшего имъ монаха (Чтенія въ Обществѣ Нестора-Лѣтописца, VIII, 9 — 10). Кальнофойскій (въ Тератургимѣ) сообщаетъ, что въ 1630 году Петръ Могила далъ убѣжище въ своемъ монастырѣ нѣсколькимъ шляхтичамъ, спасшимся отъ казаковъ. Эти укрывшіеся въ Кіево-печерскомъ монастырѣ шляхтичи въ свою очередь явились ходатаями за него передъ коронными жолнерами, напавшими на укрывшихся въ монастырской слободкѣ казаковъ и намѣревавшимися занять не только эту слободку, но и самый монастырь. Петръ Могила, при этомъ, жаловался, что онъ съ братіей почти ежедневно терпитъ отъ казаковъ всякія притѣсненія... На это свидѣтельство *Кальнофойскаго* обратилъ вниманіе Кулишъ (Русское Обозрѣніе, 1895, апр., стр. 669—670, „Украинскіе казаки и паны въ двадцатипятилѣтіе передъ бунтомъ Богдана Хмѣльницкаго“), сдѣлавшій, впрочемъ, изъ него слишкомъ обширное примѣненіе.

тельство, что они подняли возмущеніе «подъ предлогомъ посягательства на ихъ вѣру». Казаки, при этомъ, не отрицали религіозно-церковнаго мотива въ своемъ движеніи. Они только старались доказать, что у нихъ имѣлись основанія для религіозно-церковныхъ опасеній. Они указывали на то, что не только въ сосѣднихъ городахъ, но и въ самомъ Кіевѣ въ 1629 году возбраняемо было богослуженіе въ православныхъ церквахъ, а братская церковь была осквернена пролитіемъ крови со стороны жолнеровъ, квартировавшихъ въ Кіевѣ ¹³⁾. Изъ приведенныхъ выше словъ Конецпольскаго и самихъ казаковъ, прежде всего, видно, что передвиженіе отрядовъ короннаго войска на Украину понято было нѣкоторыми вліятельными лицами изъ среды православнаго духовенства и православной шляхты, какъ направленное противъ православной церкви. Вслѣдствіе увѣреній ихъ, высшія власти возставшаго казачества издали особые универсалы съ призывомъ ко всѣмъ считающимъ себя казаками собираться къ нимъ для борьбы за православную вѣру и казацкія вольности. Такимъ образомъ казацкое движеніе 1630 года, разросшееся до большихъ размѣровъ (нѣсколько десятковъ тысячъ человекъ), приняло, по отзыву столь близко къ нему стоявшаго короннаго гетмана, религіозный, или—точнѣе—религіозно-національный колоритъ. Такой взглядъ на казацкое движеніе выступаетъ у Конецпольскаго даже рѣшительнѣе, чѣмъ въ изложеніи путивльскихъ воеводъ.

Религіозно-національный характеръ казацкаго движенія настолько былъ яркимъ, что замѣченъ былъ даже въ Константинополѣ, гдѣ во всякаго рода казацкихъ выступленіяхъ давно и хорошо умѣли разбираться. Лѣтомъ 1630 года, когда польскій посоль въ Константинополѣ Ал. Пясечинскій указывалъ туркамъ на то, что польское правительство отправило свое войско весной 1630 года противъ казаковъ съ тою именно цѣлью, чтобы наказать ихъ за ихъ самовольный походъ въ Крымъ въ интересахъ Шагинъ-гирея, — каймаканъ турецкаго султана въ отвѣтъ ему сказалъ: «Это слова и слова! Развѣ мы не знаемъ, что вы бились не съ казаками (т. е. не съ казаками, какъ нарушителями договоровъ съ Турціей), а изъ-за измѣны королю и изъ-за вѣры?» Турецкое правительство, какъ видно изъ этихъ словъ, казацкое движеніе 1630 года считало внутреннимъ политическимъ и религіознымъ движеніемъ, на-

¹³⁾ Жерела до історіі України-Русі, VІІІ, 347.

правленнымъ противъ Польши. Польскій посолъ такъ и понялъ турецкую точку зрѣнія на это движеніе. Пясечинскій отвѣтилъ каймакану: «Ни о какой измѣнѣ въ Польшѣ я не слыхалъ, кромѣ того, что своевольники, вопреки волѣ короля его милости, прокрадываются въ море противъ васъ. Развѣ вы когда-либо слыхали о томъ, что казаки отняли у короля его милости и у речи-посполитой какую-либо область, или городъ, или даже пядь земли, или же выступили когда-либо противу власти его королевской милости и противъ его гетмановъ. Никогда этого не было и, конечно, никогда не будетъ. А что касается вѣры, то это—басни и сказки здѣшняго патріарха и вашихъ грековъ. У короля его милости, въ обширныхъ дажныхъ ему Господомъ Богомъ владѣніяхъ достаточно есть разныхъ народовъ, которые безъ стѣсненія въ совѣсти живутъ и хвалятъ Господа Бога по своему, какъ ихъ вѣра и обрядность требуютъ. Не вспоминая о другихъ, живутъ татары и ваши магометане и свободно содержатъ свою вѣру. Есть даже евреи, и они живутъ мирно въ своей вѣрѣ. Зачѣмъ же бы мы стали силой и саблями принуждать къ принятію своей вѣры людей греческой религіи, которыхъ вѣра и другіе обряды близко сходятся съ нашими. У короля его милости въ королевствѣ есть достаточное количество мудрыхъ и благочестивыхъ священниковъ и духовныхъ людей, которые не силою, не оружіемъ, а словомъ и доводами приводятъ греческихъ схизматиковъ, отъ насъ отколовшихся, къ единству Римской церкви и къ святой вѣрѣ, но самихъ ихъ любятъ, какъ братьевъ и согражданъ...»¹⁴⁾.

Мы привели выше три современныхъ историческихъ свидѣтельства объ общемъ характерѣ казацко-украинскаго движенія 1630 года: одно изъ нихъ современно самому началу движенія, другое относится ко времени лишь на нѣсколько мѣсяцевъ болѣе позднему, третье отдѣлено отъ начала движенія менѣе, чѣмъ годовымъ промежуткомъ, но въ немъ есть ссылка на болѣе раннее засвидѣтельствованіе факта тѣмъ же первоисточникомъ (Концепольскимъ), и притомъ оно въ существѣ своемъ подтверждено было самими казаками тотчасъ же послѣ усмиренія возстанія. Всѣ три свидѣтельства въ опредѣленіи основнаго характера казацкаго движенія 1630 года совершенно согласны. И посланцы кіевскаго православнаго митрополита,

¹⁴⁾ Рук. Имп. Публ. Библ., Разнояз., F. IV. № 104, л. 24, Реляція посольства Пясечинскаго, отправленнаго имъ въ Константинополь въ 1630 г.

и польскій коронный гетманъ, и турецкіе дипломаты, придаютъ этому движенію болѣе широкій характеръ, смотрятъ на него, какъ на движеніе религіозно-національное. Характеризуя это движеніе языкомъ своего времени, они въ немъ подчеркнули элементъ религіозный даже болѣе сильно, чѣмъ элементъ соціально-политическій. И это неудивительно: самая борьба южнорусскаго населенія за свою національность противъ польской соціально-политической стихіи жизни мыслилась имъ по преимуществу, какъ борьба за родную православную вѣру. Но и религіозно-церковный въ собственномъ смыслѣ характеръ казацко-украинскаго движенія 1630 года, въ виду нѣсколькихъ согласныхъ современныхъ историческихъ свидѣтельствъ, приходится въ той или иной мѣрѣ признать. Даже если вполнѣ согласиться съ Пясечинскимъ въ томъ, что само польское правительство въ 1630 году и въ ближайшее къ нему время вовсе не замышляло сознательно насильственнаго утвержденія церковной уніи въ Южной Руси, то этого еще недостаточно для того, чтобы отрицать наличность въ самой южнорусской жизни того момента проявленій давняго наступательнаго движенія чуждой латино-польской стихіи на православно-русскій югъ польскаго государства. Еще менѣе этого достаточно для того, чтобы отрицать наличность такого рода взглядовъ на это дѣло въ самомъ тогдашнемъ южнорусскомъ православно-русскомъ населеніи, и въ особенности въ наиболѣе сознательно-націоналистической его части—казачествѣ, хотя бы и безъ существованія новыхъ яркихъ фактовъ агрессивной церковной политики правительства въ тотъ моментъ. Во всякомъ случаѣ ближе къ истинѣ былъ турецкій каймаканъ, чѣмъ польскій посланникъ, утверждавшій, что въ казацкомъ движеніи 1630 года все дѣло было въ Шагинъ-гирѣѣ: казаки де самовольно впутались въ его дѣло, дошли до другихъ проявленій своего обычнаго своеволія, и польскому правительству пришлось, въ угоду туркамъ, ихъ усмирять...

Но если ближе присмотрѣться къ южно-русской религіозно-церковной жизни того момента, то въ ней можно замѣтить нѣкоторые факты, которые при общемъ напряженномъ соціально-политическомъ настроеніи народа легко могли стать поводомъ къ образованію въ немъ нежелательныхъ польскому правительству религіозно-церковныхъ подозрѣній, даже и безъ всякаго подстрекательства со стороны православной церковной іерархіи. Выше мы уже указали факты религіозно-церковныхъ при-

тѣсненій, приведенные самими казаками во время іюньскихъ переговоровъ съ Конецпольскимъ. Можно указать и нѣкоторые другіе факты. 16 Февраля 1630 года кн. Владиславъ Доминиъ Заславскій (къ которому по наслѣдству перешла значительная часть земельныхъ владѣній князей Острожскихъ на Волыни), особою изданною имъ грамотою велѣлъ всѣмъ православному приходскому священникамъ («духовнымъ русскимъ, въ схизмѣ пребывающимъ») въ его имѣніяхъ повиноваться впредь уніатскому митрополиту и уніатскимъ епископамъ. Княжескимъ старостамъ и урядникамъ, при этомъ, приказано было подвергать не желающихъ имъ повиноваться священниковъ денежному штрафу и другимъ наказаніямъ, подѣ угрозой лишенія этихъ самыхъ старостъ и урядниковъ предоставленныхъ имъ княземъ земельныхъ владѣній. Священники, принявшіе унію, освобождались княжескою грамотою отъ всякихъ податей и повинностей ¹⁵⁾. 8 апрѣля 1630 года управленію Кіево-печерскаго монастыря врученъ былъ оффиціальнымъ порядкомъ, изданный уже ранѣе, позовъ главнаго трибунала, которымъ оно призывалось въ трибунальный судъ по жалобѣ уніатскаго митрополита Іосифа Рутскаго на незаконное владѣніе Овручскими монастырями ¹⁶⁾. Въ составленной въ концѣ 1630 года инструкціи сеймовымъ посламъ Волынскаго воеводства содержалась жалоба на то, что находившіеся въ составѣ короннаго войска на Украинѣ жолнеры ограбили Кіевскій Никольскій монастырь, истребили церковныя принадлежности, выбросили книги въ Днѣпръ ¹⁷⁾.

Въ объясненіе того, что казацко - украинское движеніе 1630 года оказалось подернутымъ нѣкоторымъ религіозно-церковнымъ колоритомъ, можно еще указать на то обстоятель-

¹⁵⁾ Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, 611—612, грамота кн. Д. Заславскаго, внесенная въ Луцкія городскія книги 20 марта 1630 г.

¹⁶⁾ Тамъ же, 612—613, донесеніе вознаго, 21 марта 1630 года, внесенное въ Житомирскія городскія книги, о врученіи позова. Дѣло возбуждено было ближайшимъ образомъ противъ намѣстника Кіево-печерскаго монастыря Филатей Кизаровича.

¹⁷⁾ Рук. Имп. Публ. Библ., Разнояз., F. IV. № 104, л. 480—481. Игумень Кіевскаго Никольскаго Пустынскаго монастыря Серафимъ Вѣльскій съ своей капитулой, „маючи сполную раду и мову съ Тарасомъ козакомъ, который гетманомъ своволне учинился“, отнялъ не мало земельныхъ владѣній у староствъ Корсунскаго, Чигиринскаго и Крыловскаго (Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. I, т. VI, 621—622, жалоба Софьи Даниловичъ, Корсунской старостинны).

ство, что весь предшествовавшій ему годъ былъ годомъ нѣсколько приподнятаго настроенія западно-русской православно-церковной среды и всѣхъ болѣе или менѣе къ ней близкихъ народно-общественныхъ слоевъ. Весь этотъ годъ шли въ Западной Руси толки и споры объ общемъ православно-уніатскомъ примирительномъ соборѣ. Всюду разсылались королевскіе о немъ универсалы. Противъ нихъ составлялись протестаціи. Одни были за соборъ, другіе противъ. Лѣтомъ собрались два подготовительныхъ къ этому общему собору синода (православный въ Кіевѣ, уніатскій во Владимірѣ-Волинскомъ), высказавшіеся совѣмъ различно по вопросу объ этомъ соборѣ. Запорожское казачество обнаружило весьма живой интересъ къ Кіевскому собору во все время его продолженія. Осенью сдѣлана была правительствомъ попытка фактическаго осуществленія во Львовѣ замысла объ общемъ примирительномъ соборѣ. Эту попытку постигла неудача. Но и положеніе православныхъ, содѣйствовавшихъ этой неудачѣ, ни мало послѣ нея не улучшилось. Прекращеніе войны со Швеціей (передъ Львовскимъ соборомъ) не только передвинуло изъ Пруссіи на русскій югъ польскаго государства главныя массы короннаго войска, но и поворачивало въ направленіи къ этому югу движеніе основного колеса всей внутренней польской государственно-общественной жизни, въ видахъ установленія болѣе тѣсныхъ внутреннихъ политическихъ связей его съ польскимъ государственнымъ центромъ, въ видахъ безповоротаго торжества на южныхъ окраинахъ польской государственной идеи. Согласно съ общимъ духомъ времени, при многолѣтнемъ уже господствѣ въ Польшѣ особой церковно-политической системы Сигизмунда III, это торжество польской государственной идеи на русскомъ югѣ неизбежно предносилось общему сознанію съ тою или другою религіозно-церковною уніатско-католическою примѣсью. Среди несмолкаемыхъ толковъ о новомъ опасномъ «примиреніи», при неожиданномъ поворотѣ основной оси польской государственной политики на югъ, для спокойнаго положенія православныхъ въ южной Руси теперь было уже меньше благопріятствующихъ обстоятельствъ, чѣмъ прежде. Казацкій реэстръ былъ важнымъ пунктомъ южно-русской политической программы польскаго центральнаго правительства. Но и уніа была не второстепеннымъ ея пунктомъ, особенно въ глазахъ правительства Сигизмунда III. Сохранить полное спокойствіе духа въ религіозно-церковной сферѣ, послѣ цѣлаго исполнен-

наго тревожной новизны года, трудно было южно-русской народной православной Украинѣ, вдругъ увидавшей на своей территоріи повсюду густые отряды польскаго короннаго войска, изливавшаго на мирныхъ ея обитателяхъ свое справедливое озлобленіе противъ государстване платившаго ему кровью выслуженныхъ денегъ.

* * *

Первое извѣстіе о движеніи казаковъ изъ Запорожья получено было короннымъ гетманемъ Конецпольскимъ, какъ мы уже сказали, въ половинѣ марта 1630 года. Прибѣжавшіе къ нему реэстровые казаки сообщили, что запорожцы схватили Грица Чернаго. На другой день прибѣжали другіе реэстровики съ вѣстью, что Грица запорожцы жестоко замучили, и просили себѣ у короннаго гетмана защиты. Одновременно Конецпольскій получилъ и отъ короннаго войска, стоявшаго на Украинѣ, сообщеніе, объ убійствѣ запорожскаго гетмана и о наступленіи своевольныхъ казаковъ на его стоянки. Жолнеры спрашивали, что имъ дѣлать въ виду всего происшедшаго.

Пришедшіе изъ Запорожья казаки потребовали отъ жолнеровъ, чтобы они ушли со своихъ стоянокъ за Бѣлую-Церковь и выдали имъ тѣхъ казаковъ, которые искали у нихъ себѣ убѣжища. Жолнеры отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ на то и другое требованіе. Получивши этотъ отвѣтъ, запорожцы со всѣми своими силами двинулись къ Корсунѣ. Здѣсь стояло нѣсколько ротъ (хоругвей) короннаго войска, къ которымъ собралось около трехъ тысячъ реэстровыхъ казаковъ. При коронномъ войскѣ не оказалось налицо ни одного полковника, и главную надъ нимъ команду принялъ одинъ изъ ротмистровъ (Сѣраковскій). Жолнеры готовы были, совмѣстно съ реэстровыми казаками, присоединившимися къ нимъ, вступить въ бой. Но большая часть этихъ послѣднихъ со своими старшими постепенно перебѣжала къ запорожцамъ. Въ то же время и корсунскіе мѣщане заняли по отношенію къ жолнерамъ угрожающее положеніе. Жолнеры вынуждены были уйти изъ Корсунѣ, бросивши все свое имущество¹⁸⁾.

¹⁸⁾ Реляція Конецпольскаго, 684, 687. Первые дошедшія до Кракова извѣстія о первыхъ выступленіяхъ казаковъ такъ изображали дѣло: „На Украинѣ казаки производятъ безпорядки, имѣли стычку съ кварцянными жолнерами возлѣ ихъ стоянки и не мало имъ вреда причинили“ (Собр. автогр. Имп. Публ. Библ. № 221, л. 153, письмо Петрковчика къ Я. С. Сапѣгѣ, отъ 20 апр. 1630 г.).

Поднявшіе возстане казаки не замедлили вступить въ сношенія съ короннымъ гетманомъ ¹⁹⁾. Они отправили къ нему въ Барь посольство и предложили слѣд. условія примиренія: 1) не ставить имъ въ вину убійства Грицка Чернаго, въ виду того, что онъ не былъ ими признаваемъ за старшаго; 2) поступить по закону съ тѣми казаками, которые находятся при коронномъ войскѣ, какъ съ предателями; 3) отмѣнить всецѣло Куруковскій договоръ, какъ силою у нихъ вынужденный. Приведенныя нами въ изложеніи самого Конецпольскаго казацкія условія показываютъ, что Тарась и его сторонники очень далеко зашли въ своихъ требованіяхъ, особенно въ требованіи относительно полной отмѣны Куруковскаго договора, полагавшаго тѣ или иные предѣлы и внѣшнему увеличенію, и внутреннему усилению запорожскаго казачества.

Конецпольскій не могъ на нихъ согласиться и при самомъ примирительномъ по отношенію къ казакамъ настроеніи. Но собственное его положеніе въ виду неожиданно вспыхнувшаго казацкаго возмущенія было затруднительное. Самъ онъ находился вдали отъ мѣста возмущенія. Отряды короннаго войска ~~расположены~~ были по Южной Руси на значительномъ отъ другаго разстояніи (они нарочно были такъ расположены въ видахъ предупрежденія образованія изъ нихъ одной грозной по численности противуправительственной конфедераціи) и не могли своевременно подать другъ другу руку помощи. Въ особенности трудно было гетману немедленно двинуть въ путь артиллерійскія орудія, вслѣдствіе недостатка перевозочныхъ средствъ (реляція).

7 апр. 1630 года Конецпольскій обратился къ южнорусскимъ панамъ и шляхтѣ съ универсаломъ, въ которомъ извѣщалъ ихъ о новомъ проявленіи казацкаго своеволія: объ убійствѣ своевольными казаками назначеннаго королемъ казацкаго старшаго, о нападеніи ихъ на оставшихся вѣрными королю казаковъ и на коронныхъ жолнеровъ. Гетманъ звалъ всѣхъ идти «гасить пламень кровью хлоповъ» ²⁰⁾. О вспыхнувшемъ казацкомъ возмущеніи Конецпольскій немедленно увѣдомилъ короля, и уже 13 апрѣля Сигизмундъ III въ письмѣ къ нему

¹⁹⁾ Они сносались съ Конецпольскимъ еще до выхода изъ Запорожья, жалуюсь ему черезъ пановъ Ганнибала и Байбузу на притѣсненія Грицка Савича (Жерела, VIII, 347).

²⁰⁾ Арх. Юго-Зап. Рос., ч. III, т. I, 296—298.

выражалъ свое одобреніе его намѣренію привести своевольныхъ казаковъ къ исполненію долга и своевременно разстроить ихъ вредные замыслы. Очень важно (писалъ король), чтобы своеволіе верху не взяло: обуздать его легче сразу, чѣмъ потомъ, когда дойдетъ дѣло до какого-либо большаго замѣшательства. Король съ своей стороны написалъ письма къ разнымъ южно-русскимъ землевладѣльцамъ, призывая ихъ на помощь къ коронному гетману. Въ виду неожиданно явившейся опасности, король освобождалъ Конецпольскаго отъ обязанности лично явиться во Львовъ для присутствованія при уплатѣ жалованья войску. Въмѣсто этого, онъ просилъ гетмана воздѣйствовать на подвластныхъ ему командировъ короннаго войска, чтобы они, въ виду финансоваго оскудѣнія отечества, терпѣливо дожидались окончательнаго разчета за службу. Призывать на службу даточныхъ людей король не считалъ пока нужнымъ въ виду крайняго ихъ обнищанія, хотя не отвергалъ возможности и ихъ призыва ²¹⁾. Но казацкое движеніе сразу же приняло такіе широкіе размѣры, что оказалась нужда въ немедленномъ призывѣ даточныхъ людей. Уже въ половинѣ апрѣля они и были призваны «противу какъ врага святого креста, такъ и своевольной казацкой черни» ²²⁾.

Самъ Конецпольскій двинулся изъ Бара на Украину только 16 апрѣля 1630 года ²³⁾. Не имѣя возможности лично двинуться раньше, онъ отправилъ на Украину каменецкаго каштеляна а также и калускаго старосту (Я. Замойскаго), поручивши имъ, между прочимъ, попытаться уладить дѣло мирнымъ путемъ, если это окажется возможнымъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ предписалъ отпратиться на мѣсто возстанія коронному стражнику Лащу. Между этимъ Лащемъ, извѣстнымъ своимъ буйнымъ воинственнымъ пыломъ, и казаками и произошли первыя боевыя столкновенія. Но они не имѣли серьезнаго характера, такъ какъ у него было «малое число» войска (реляція Конецпольскаго) ²⁴⁾. Самъ Конецпольскій выступилъ въ походъ, по его собственнымъ словамъ, далеко не съ достаточными силами

²¹⁾ Рук. И. П. Б., Разн., Ф. IV. № 104, л. 113 об.—114 об.

²²⁾ Арх. Юго-Зап. Рос., ч. III, т. I, 299—301, универсалъ отъ 20 апр. 1630 года.

²³⁾ Тамъ-же, 300.

²⁴⁾ По разсказу Львовской лѣтописи, Лащъ еще въ самый день Пасхи вырѣзалъ населеніе м. Лысянки (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1838 годъ, апр. кн., 10—11).

(реляція). Впослѣдствіи явились къ нему на помощь вспомо- гательные отряды нѣкоторыхъ южнорусскихъ землевладѣльцевъ, въ томъ числѣ краковскаго каштеляна кн. Ю. Збаражскаго (удостоившагося за это особой благодарности короля въ его пропозиціи сейму 1631 года)²⁵). Притомъ же нѣкоторая часть реэстровыхъ казаковъ не пристала къ поднятому Тарасомъ возмущенію. Когда Конецпольскій вступилъ въ Украину, эти казаки присоединились къ его войску. Это обстоятельство, надо полагать, облегчило общее движеніе короннаго войска къ Днѣпру, какъ съ другой стороны оно, можетъ быть, стало одною изъ причинъ того, что и Тарасъ со своимъ войскомъ переправился на лѣвый берегъ Днѣпра и укрѣпился въ Переяславѣ²⁶).

Вооруженное столкновеніе короннаго гетмана съ возстав- шими казаками произошло по лѣвую сторону р. Днѣпра. Пе- реяславъ сталъ главнымъ пунктомъ этого столкновенія, не- достаточно разъясненнаго еще въ своихъ подробностяхъ вслѣд- ствіе скудости историческихъ матеріаловъ. Конецпольскій въ своей реляціи довольно подробно говоритъ только о причи- нахъ и обстоятельствахъ успѣшной переправы своей съ войскомъ черезъ Днѣпръ (эта переправа, оказывается, произошла не безъ трудностей и не безъ большого пролитія крови). О томъ, что послѣдовало далѣе, о самомъ ходѣ войны своей съ казаками, въ реляціи Конецпольскаго сказано очень мало и неопредѣленно. Подступивши къ Переяславу, Конецпольскій, по его словамъ, искалъ всякихъ средствъ къ тому, чтобы не доводить дѣла до кровопролитія²⁷). Онъ готовъ былъ ограничиться одной вы- дачей ему казаками виновника возмущенія Тараса Федоровича. Но казаки отказывались покориться. Сказавши объ этомъ, Ко- нецпольскій заканчиваетъ свой рассказъ такими словами: «Не хочу вспоминать непрерывныхъ, въ теченіе нѣсколькихъ не- дѣль, трудовъ нашихъ и кровавыхъ битвъ, потому что не желаю создавать себѣ славу на крови подданныхъ короля, хотя бы и

²⁵) Рук. И. П. Б., Разн., F. IV. 104, л. 176.

²⁶) По сообщенію Львовской лѣтописи (ср. прим. 24), къ Конецполь- скому присоединилось 2.000 реэстровыхъ казаковъ, а къ Тарасу 4.000.

²⁷) Сигизмундъ III въ письмѣ къ Конецпольскому отъ 1 мая 1630 года высказывалъ пожеланіе, чтобы онъ нашелъ какіе-либо справедливые способы къ умиротворенію казаковъ безъ пролитія крови: достаточно, писалъ король, проявить суровость по отношенію только къ однимъ ко- новодамъ, другіе казаки еще могутъ пригодиться на службу государству (Рук. И. П. Б., Разн., F. IV № 104, л. 116—117).

своевольныхъ. Поблагословилъ однако Господь Богъ успѣхомъ: сознавши свой проступокъ, казаки просили пощады, и я, сохранивши ихъ для дальнѣйшей службы королю и государству, заключилъ съ ними дороворъ, ни въ малѣйшемъ пунктѣ не отступивши отъ Куруковского договора» (реляція, 689).

Боевыя столкновенія Конецпольскаго съ казаками происходили главнымъ образомъ уже въ маѣ 1630 года ²⁸). Въ изданномъ въ лагерѣ подъ Переяславомъ 18 мая 1630 года универсалѣ Конецпольскій писалъ, что казаки «нѣсколько разъ потерпѣли уже не малое пораженіе». Въ виду того, что это еще не привело ихъ къ покорности, онъ предписывалъ польскимъ и иноземнымъ хоругвямъ короннаго войска отовсюду спѣшить къ нему на помощь. Объ этомъ же онъ просилъ и пановъ землевладѣльцевъ ²⁹). Въ одномъ современномъ письмѣ, писанномъ изъ Варшавы, находимъ подтвержденіе сообщенія гетманскаго универсала съ нѣкоторымъ даже дополненіемъ: «Казацкія на Украинѣ замѣшательства еще не окончательно усмирены, хотя кварцянное войско на нѣсколькихъ мѣстахъ громило казаковъ и отняло у нихъ три города, силою выбивши ихъ изъ нихъ» ³⁰).

²⁸) Въ королевской инструкціи Пясечинскому (отъ 3 мая 1630 г.) поручалось сказать туркамъ, что коронный гетманъ „уже громить и истребляетъ казаковъ“ (Malinowskii Przezdziecki, Zródła, II, 192).

²⁹) Арх. Юго-Зап. Росс. ч. III, т. I, 309—311. Сигизмунда III извѣщаль (1 мая Конецпольскаго, что онъ издалъ строгіе приказы драгунамъ, находящимся уже на пути, спѣшить на Украину, нигдѣ не задерживаясь на стоянкахъ. Въ письмѣ отъ 6 мая къ торунскимъ комиссарамъ король торопилъ ихъ отправкой на Украину драгуновъ, о присылкѣ которыхъ его усиленно просилъ Конецпольскій. Въ письмѣ отъ 11 мая король извѣщаль Конецпольскаго о своемъ обращеніи съ просьбой о военной помощи къ краковскому каштеляну и русскому воеводѣ. Въмѣстѣ съ этимъ король выражалъ увѣренность, что Конецпольскому удастся утишить неудовольствіе и смуты въ коронномъ войскѣ изъ-за неуплаты ему жалованья. Въ письмѣ отъ 27 мая Сигизмундъ извѣщаль Конецпольскаго, что королевскій комарникъ давно уже посланъ сопровождать драгунъ Дынгофа въ ихъ походъ на Украину, что онъ, король, писалъ къ самому Бутлеру письмо съ просьбой объ ускореніи его движенія на Украину, что онъ, король, немедленно отправилъ восемь пушкарей на Украину, лишь только они прибыли въ Варшаву (руч. И. П. Б., Пол., Г, IV. № 104, л. 116—117, 130—131, 119—120, 121—122.

³⁰) Собр. автогр. И. П. Б., № 221, л. 162—163, письмо Бѣлецкаго къ Я. С. Сапѣгѣ отъ 18 мая 1630 г. По всей вѣроятности, Бѣлецкій добылъ свои свѣдѣнія изъ королевской канцеляріи, куда поступали донесенія Конецпольскаго.

Изъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ (универсала и письма) о боевыхъ столкновеніяхъ Конецпольскаго съ казаками въ первой половинѣ мая (до 18 мая) видно, что этихъ столкновеній было не мало, и что они для казаковъ были неудачны. Но у насъ имѣется подъ руками одно современное свидѣтельство, показывающее, что неудачу для казаковъ ихъ боевыхъ столкновеній съ короннымъ войскомъ не слѣдуетъ преувеличивать. Въ письмѣ Бѣлецкаго къ Я. С. Сапѣгѣ изъ Варшавы отъ 7 іюня 1630 находится сообщеніе о сраженіи казаковъ съ короннымъ войскомъ, происшедшемъ 17 мая, т. е. наканунѣ изданія вышеприведеннаго универсала Конецпольскаго (это сраженіе, вѣроятно, вызвало и самое изданіе универсала). Въ этомъ письмѣ Бѣлецкій пишетъ Сапѣгѣ: «Какъ расширяются произведенные казаками на Украинѣ беспорядки, Вы увидите изъ гетманскаго письма, которое посылаю. Правда, онъ не указываетъ въ немъ своей потери въ людяхъ, но тѣ жолнеры, которые прибыли сюда послѣ битвы, признаютъ потерю не малую и важную, — въ числѣ другихъ — воеводича **Тышкевича**; **молодого Паца** (только не умѣли сказать **кого-рото**); **королевскаго подчашаго Ружковскаго**. Кромѣ того, погибло 52 человекъ самыхъ дѣльныхъ жолнеровъ. Не мало ихъ **также** взято въ плѣнъ, и между ними наиболѣе выдающійся **панъ Чарнецкій**, ротмистръ, который былъ въ Пруссіи полковникомъ. Вообще значительное пораженіе, а произошло оно 17 мая» ³¹⁾.

Изъ приведеннаго нами письма оказывается, что не всѣ битвы казаковъ съ короннымъ войскомъ подъ Переяславомъ до 18 мая были неудачны для казаковъ, что напротивъ 17 мая они вышли изъ битвы побѣдителями... Авторъ этого же письма, сообщивши о битвѣ казаковъ съ короннымъ войскомъ, происшедшей 17 мая, продолжаетъ: «а теперь разнесся слухъ, и пришли письма (отъ Конецпольскаго?), но ихъ скрываютъ, что 24 мая опять была стычка, и еще худшая, и что, повидимому, и обою всему, и самому пану гетману досталось» ³²⁾.

³¹⁾ Собр. автогр. И. П. Б., № 221, л. 166—167. Чарнецкій, какъ и Тжеценкій, находились въ плѣну у казаковъ во время іюньскихъ переговоровъ съ ними Конецпольскаго (Жерела, VIII, 346, 348). Во Львовской лѣтописи указываются другія имена взятыхъ казаками въ плѣнъ польскихъ жолнеровъ (о. с. 12—13). Можетъ быть, они были взяты въ плѣнъ въ послѣдующихъ сраженіяхъ.

³²⁾ „Я еще не могъ видѣть письма (оговаривается Бѣлецкій), поэтому не могу рѣшительно утверждать“... Къ сожалѣнію, разъясненіи:

О боевых столкновениях казаковъ съ короннымъ войскомъ во второй половинѣ мая, вплоть до открытія мирныхъ переговоровъ, не имѣется сколько-нибудь опредѣленныхъ современныхъ историческихъ свидѣтельствъ³³⁾. Разсказъ о нихъ Львовской лѣтописи, какъ это видно изъ его содержанія и характера, написанъ по отдаленнымъ слухамъ и имѣетъ слишкомъ эпизодическій характеръ³⁴⁾. Въ современныхъ польскихъ историческихъ свидѣтельствахъ имѣются лишь указанія на общій исходъ борьбы, на указанія, сдѣланныя въ слишкомъ общей формѣ, и притомъ слишкомъ явственно окрашенныя въ официально-правительственный цвѣтъ: въ договорѣ Конецпольскаго съ казаками эти послѣдніе «раскаившись въ совершенныхъ ими злодѣяніяхъ, признають себя виновными и черезъ грамоты и пословъ своихъ смиренно умоляютъ о помилованіи»³⁵⁾. Впрочемъ, и въ нихъ оказываются иногда детали, не гармонирующія съ ихъ основнымъ побѣдно-торжественнымъ тономъ, какъ напримѣръ, указаніе на то, что казаки въ битвахъ съ короннымъ войскомъ захватили въ плѣнъ не только людей, но и пушку³⁶⁾. Въ виду этого нѣкоторое историческое значеніе приобрѣтають свѣдѣнія, идущія изъ московскихъ источниковъ.

Имѣется свидѣтельство московскаго боярскаго сына Григорія Гладкаго, три недѣли просидѣвшаго вмѣстѣ съ казаками въ осажденномъ Конецпольскимъ Переяславѣ. Возвратившись въ Путивль, Гладкій 4 августа 1630 года сообщилъ путивльскимъ воеводамъ слѣдующее: «И сидѣли де они (Гладкій съ Андреемъ Борецкимъ, сыномъ митрополита) въ Переяславлѣ съ черкасы въ осадѣ отъ польскихъ людей три недѣли, и у польскихъ де людей съ черкасы въ тѣ три недѣли бои бывали

дѣла въ послѣдующихъ письмахъ Бѣлецкаго не находится. Въ письмахъ отъ 19 іюня сообщаются уже свѣдѣнія о переговорахъ казаковъ съ Конецпольскимъ.

³³⁾ Въ письмѣ къ королю отъ 27 мая 1630 г. Конецпольскій писалъ, что „казацкое своеволіе остается при своемъ упорствѣ и, какъ всегда, не желаетъ покориться“ (руч. И. П. Б., Разнояз., Ф. IV. № 104 л. 107).

³⁴⁾ Въ Львовской лѣтописи, между прочимъ упоминается, что въ числѣ убитыхъ казацкихъ старшинъ былъ старшій сынъ тогдашняго православнаго митрополита Стефанъ Барецкій... Общее заключеніе разсказа этой лѣтописи слишкомъ оптимистическое: „Итакъ Конецпольскій о перемиреніи просывъ: що хотили казаки, то соби вымовылы“ (13—14).

³⁵⁾ Кулишъ, I, 308.

³⁶⁾ Жерела, VIII, 346, 348.

многіе, и на тѣхъ де бояхъ черкасы поляковъ побивали, а на послѣднемъ бою черкасы у гетмана Конецпольскаго въ обозѣ нарядъ взяли, и многихъ поляковъ въ обозѣ побили, и перевозы по Днѣпру отняли, и паромы по перевозомъ пожгли. И послѣ де этого бою (вѣроятно, разумѣется тутъ бой 24 мая) гетманъ Конецпольской съ черкасы помирился» ³⁷⁾. Изъ этого свидѣтельства москвича-очевидца открывается, что и въ самыя послѣднія недѣли польско-казацкой борьбы, относительно которыхъ не имѣется никакихъ другихъ современныхъ извѣстій, успѣхъ въ борьбѣ бывалъ на сторонѣ казаковъ. Очень трудно предположить, что всѣ три недѣли совмѣстнаго сидѣнія въ осадѣ казаки морочили московскаго соглядатая, совсѣмъ не безхитростнаго.

Относительно казацкихъ потерь въ войнѣ съ короннымъ войскомъ современныя историческія свидѣтельства даютъ также противорѣчивыя показанія. Самъ гетманъ Конецпольскій, и въ первыхъ предложенныхъ казакамъ условіяхъ примиренія, и въ самомъ договорѣ съ ними, говоритъ о «многой пролитой крови», о большомъ числѣ погибшихъ юнаковъ, или товарищей казацкихъ ³⁸⁾. Спустя три мѣсяца послѣ заключенія мирнаго договора, послы запорожскаго войска всюду въ Варшавѣ твердили: «гетманъ (Конецпольскій) совсѣмъ напрасно бросился на казаковъ, погубилъ хорошихъ своихъ молодцовъ, а у насъ (т. е. въ войскѣ запорожскомъ) никто не погибъ, только не-

³⁷⁾ Кулишъ, I, 316. Гладкій передъ Вознесеньемъ посланъ былъ изъ Путивля въ Кіевъ. Въ Кіевъ онъ съ Андреемъ Борецкимъ не могли уже проѣхать, въ виду того, что путь къ нему былъ прегражденъ польскимъ войскомъ. Они проѣхали въ Переяславъ къ казакамъ, гдѣ и просидѣли, въ осадѣ съ ними, три недѣли... Вознесенье по старому стилю въ 1630 г. приходилось на 6 мая, по новому на 16 мая (польскія письма и документы датированы по новому стилю)... Митр. Іовъ Борецкій во время возстанія Тараса уѣхалъ („сбѣжалъ отъ поляковъ“) изъ Кіева въ казацкій монастырь Терехтемировскій. Объ этомъ въ маѣ мѣсяцѣ передавали торговые люди (Кулишъ, I, 298). Самый г. Кіевъ оказалъ содѣйствіе коронному войску во время переправы его черезъ Днѣпръ и предоставилъ въ распоряженіе его, до прибытія королевской артиллеріи, свои орудія. За „труды и издержки“ Кіевъ удостоился особой признательности со стороны Конецпольскаго на сеймѣ 1631 года (реляція л. 290 об.). Такимъ отношеніемъ г. Кіева къ коронному войску, вѣроятно, объясняется и сообщенный Львовскою лѣтописью фактъ убійства казаками двадцати кіевскихъ купцовъ (о. с., 14).

³⁸⁾ Жерела, VIII, 346; Кулишъ, I, 108 — 109. Объ этихъ условіяхъ и договорѣ будетъ рѣчь ниже.

множко подручныхъ людей» ³⁹⁾. Въ это же самое время (въ концѣ августа) турецкій каймаканъ говорилъ въ Константинополѣ польскому послу про недавнюю польско-казацкую войну: «Что же это за война была?! Едва-ли двѣсти казаковъ тамъ погибло, и вашихъ столько же». Польскій посоль отвѣчалъ, что дѣло не въ томъ, сколько казаковъ погибло, а въ томъ, что казаки усмирены. Коронный гетманъ (пояснялъ онъ), какъ хорошій медикъ, выпустилъ у казаковъ столько крови, сколько требовалось въ интересахъ здоровья. Впрочемъ (заключилъ онъ), казацкія могилы еще свѣжи, и всякій желающій можетъ по нимъ опредѣлить количество погибшихъ ⁴⁰⁾. Приведенныя нами два свидѣтельства (казацкое и турецкое) производятъ впечатлѣніе большей опредѣлительности, чѣмъ совершенно расплывчатое заявленіе Конецпольскаго, и ихъ, во всякомъ случаѣ, достаточно для того, чтобы не слишкомъ преувеличивать казацкія потери въ возстаніи 1630 года. Притомъ же самъ король старался удержать короннаго гетмана отъ особенно жестокой расправы съ казаками. Въ письмѣ къ нему отъ 1 мая, какъ сказано выше, онъ выражалъ свою увѣренность въ томъ, что гетманъ, если окажутся какіе-либо надежные способы къ успокоенію казаковъ безъ кровопролитія, не пренебрежетъ ими, сурово покаравши только самыхъ зачинщиковъ, потому что другіе могутъ пригодиться на службу государству. Въ письмѣ отъ 12 іюня Сигизмундъ писалъ Конецпольскому, что многіе изъ первѣйшихъ сенаторовъ выражаютъ въ своихъ письмахъ пожеланіе, чтобы уладить дѣло съ казаками болѣе мягкими средствами и чтобы не истреблять столь большого числа казаковъ, которые еще могутъ пригодиться государству ⁴¹⁾.

Въ объясненіе не особенно великихъ размѣровъ потерь казаковъ можно указать и на то обстоятельство, что они въ главный моментъ войны были не нападающей, а защищающей стороной, и притомъ защищающей въ одномъ опредѣленномъ укрѣпленномъ мѣстѣ. О взятіи Переяслава, гдѣ засѣли казаки, польскимъ короннымъ войскомъ не говоритъ ни одно историческое свидѣтельство, какъ не говоритъ и объ отступленіи ихъ отъ Переяслава подъ натискомъ короннаго войска. У

³⁹⁾ Собр. автогр. И. П. Б., № 221, л. 187, письмо Бѣлецкаго Я. С. Сапѣгѣ отъ 26 авг. 1630 г.

⁴⁰⁾ Рук. И. П. Б., Разнояз., Ф. IV. № 104, л. 24, реляція Пясечинскаго

⁴¹⁾ Та же рук., л. 116—117, 107.

этого послѣдняго совѣтъ не было для этого нужныхъ силъ и средствъ. Противъ тридцати семи тысячъ казаковъ Конецпольскій располагалъ только восемью тысячами войска (считая въ томъ числѣ не только польскихъ и наемныхъ нѣмецкихъ жолнеровъ, но и оставшихся вѣрными королю реэстровыхъ казаковъ)⁴²⁾. Не нужно забывать и того, что Конецкому въ войнѣ съ казаками приходилось командовать войскомъ, сильно раздраженнымъ противъ правительства за неплату ему выслуженнаго имъ за прусскую компанію жалованія. По объясненію самого Конецпольскаго, это войско въ моментъ выступленія въ походъ противъ казаковъ все еще дожидалось уплаты ему жалованья, хотя срокомъ для нея сеймъ назначилъ 1 марта 1630 года (во Львовѣ). Конецпольскій, по его словамъ, подготавливая войско къ походу, убѣдилъ его подождать уплаты до 19 апрѣля, до каковаго срока комиссары (назначенные сеймомъ) ее отсрочили. Но 19 апрѣля наступило, а къ расплатѣ съ войскомъ комиссары и не думали приступать. Они прислали къ Конецпольскому, уже выступившему съ войскомъ въ походъ, письменное отношеніе съ просьбой убѣдить войско подождать уплаты жалованья до Троицына дня (19 мая по нов. стилю). Такимъ образомъ коронное войско подъ командой Конецпольскаго перешло Днѣпръ и подступило въ Переяславу въ самомъ неблагопріятномъ съ военной точки зрѣнія настроеніи. Правда, по свидѣтельству Конецпольскаго, оно выполнило свой долгъ передъ отечествомъ: «двѣ недѣли соблюдали жолнеры полное повиновеніе, и перенесли въ это время самыя большіе труды, самыя тяжкіе удары». Но оно выполнило этотъ свой долгъ, по словамъ того же Конецпольскаго, не до конца: «Въ томъ согрѣшили жолнеры, что не хотѣли подождать еще двѣ недѣли. Представили бы мы тогда королю и речи-посполитой законченное дѣло нашихъ рукъ» (реляція, 691).

Выносятся такое общее впечатлѣніе изъ сеймовой реляціи короннаго гетмана о войнѣ его съ казаками весной 1630 года, что польское войско не одержало надъ казаками такъ называемой рѣшительной побѣды. Этого мало: гетманъ долженъ былъ прекратить эту войну, такъ сказать, на ея серединѣ (въ виду внутренняго замѣшательства въ своемъ войскѣ)... Зная такой взглядъ самого Конецпольскаго на общій исходъ его войны съ казаками, едва уже будетъ справедливо принимать за чи-

⁴²⁾ Кулишъ, I, 317, показаніе Гр. Гладкаго.

стую монету слова Переяславскаго договора его съ казаками о неоднократныхъ слезныхъ просьбахъ казаковъ къ нему о помилованіи ⁴³).

Но если у Конецпольскаго не было силъ и средствъ, чтобы довести войну до рѣшительнаго конца, то и у отсиживавшихся въ Переяславѣ казаковъ не было этихъ силъ и средствъ. Уже одно раздѣленіе реэстровыхъ казаковъ на двѣ вступившія въ междуособную борьбу партіи создало внутри Переяславскаго казацкаго лагеря такое же внутреннее замѣшательство, какое неуплата жалованья создала въ польскомъ лагерѣ. Громадное численное превосходство казацкаго войска имѣло относительное значеніе: въ числѣ тридцати семи тысячъ его болѣе всего было не людей военнаго казацкаго ремесла, а простыхъ крестьянъ и ремесленниковъ («неповинныхъ людей, какъ называлъ ихъ коронный гетманъ ⁴⁴), сманенныхъ изъ ихъ домовъ, отъ хозяевъ и работъ»), не имѣвшихъ, надо думать, ни надлежащаго вооруженія, ни военной сноровки. Тысячи этихъ истинныхъ дѣтей народа, поднятыхъ универсалами Тараса, готовы были, какъ и въ чемъ были, постоять за свою православную вѣру и за свою русскую самобытно-свободную жизнь. Но у вождей движенія не было средствъ, чтобы эти многія тысячи народа превратить въ сколько-нибудь организованную силу. Не было у нихъ, какъ кажется, и настоящаго историческаго прозрѣнія въ самую глубь готоваго развернуться передъ ними православно-русскаго національнаго движенія. По крайней мѣрѣ, оно не отразилось въ показаніяхъ московскаго очевидца Переяславской осады. Притомъ же, если на сторонѣ возставшихъ казаковъ была простая народная масса, безпощадно уже закрѣпощаемая польскому строю жизни, то на сторонѣ оставшихся вѣрными Польшѣ казаковъ были, повидимому, тѣ или иные болѣе состоятельные элементы общества (вспомнимъ похвалы Конецпольскаго г. Кіеву) *).

П. Жуковичъ.

⁴³) О польскихъ потеряхъ въ Хроникѣ Пясецкаго сказано: *ex Regiis praeter milites gregarios Equites Nobiles plures, quam in bello Prussico (trecenti numerabantur) ceciderant, ac rari non amiserant meliores equos* (р. 500).

⁴⁴) Жерела, VIII, 345. Землевладельцы даже довольно отдаленной отъ Украины Галичины жаловались осенью 1630 года на бѣгство на Украину ихъ крѣпостныхъ крестьянъ, *z ktorych ta zas' licencya swawolna rodzi się na Ukrainie (Lwowskie Akta Ziemskie i Grodzkie, XX, 289).*

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки